Б. Пашкевич, д.и.н., Вроцлав

«ОСТАВЬТЕ БЕЗУМИЕ И ЖИВЫ БУДЕТЕ...» (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ МОНЕТ)*

1. Хочу представить здесь несколько довольно случайно собранных размышлений над некоторыми фигурами, помещенными на русских монетах конца XIV и XV в. Вступающего в эту область исследователя поражает необыкновенное разнообразие, а также – в большинстве княжеств – значительная сменяемость типов, заставляющие вспомнить о периоде брактеатов в Польше. Поражает и совершенно иной по сравнению с применявшимся в латинской Европе познавательный аппарат, используемый для изучения как этой иконографии, так и надписей. Важную роль играет в нем понятие «ранга монетного дела», выраженного через фигуры и тексты. Считается, что давление царя (хана Золотой Орды) вызывало понижение выраженного посредством легенд и изображений «ранга» монетной чеканки великого князя. Давление великого князя в свою очередь вызывало понижение «ранга» монетной чеканки удельного князя. Появляющаяся на монетах псевдолегенда рассматривается как результат сознательного понижения этого «ранга». Даже ошибки в легенде подозреваются в том, что они стали результатом сознательного искажения надписи в стремлении понизить «ранг» монеты[1]. Эта идея базируется на убеждении, что весь штемпель монеты содержит исключительно политическое послание: «Каждая деталь, каждая черточка имела свое значение», поскольку «появление монет с русскими легендами было вызовом для Орды»[2]. Однако, никто не представил примера ордынского противодействия русским надписям на монетах или русскому монетному делу в целом. Фигуры на монетах – в глазах российских нумизматов – не имеют экономического значения, то есть не служат для распознания монетных стандартов. Единственным российским исследователем, который с достойными внимания результатами пытался пересмотреть эту парадигму и расширить исследовательские горизонты с помощью истории искусства и культуры, был А.В. Черне-

---

* Перевод статьи с польского языка на русский выполнила Т.Ю. Стукалова.

[1] Самую запутанную теорию «ранга» или «статуса чеканки» создал Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси: Москва в борьбе за независимое и централизованное государство. М., 1981. С. 64-65, 81, 87, 101, 105-122, 141. Как пример ее продолжающегося использования см. ***Зайцев В.В., Мамонтова О.П.*** О некоторых изображениях на монетах Петра Дмитриевича Дмитровского (1389–1428) // Нумизматический альманах. М., 2004. № 1 (25). С. 18.

[2] ***Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С.*** Деньги в России: история русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000. С. 39.

цов, книга которого, тем не менее, не была напечатана в тогдашнем СССР, но вышла в Оксфорде в виде довольно небрежного издания на правах рукописи[3]. Хотя иногда эта работа цитируется в российских публикациях, ее выводы в России не были восприняты.

2. Начнем с редкого примера двустороннего использования западного иконографического образца на денге дмитровского князя Петра Дмитриевича (1389–1428) (рис. 1). Она была отчеканена в последние годы XIV в. Петр был удельным князем, одним из младших братьев великого князя московского Василия I (1389–1425). Его монеты – как показал В.В. Зайцев – чеканились, вероятнее всего, в Москве и обращались вместе с московскими, то есть это была личная, а не региональная монетная чеканка. Среди немногочисленных аналогий такого правового положения можно назвать на 400 лет более ранние польские монеты Мешко Болеславича[4]. Аверс монеты Петра, выполненный в чисто русском стиле, представляет поясное изображение длинноволосой фигуры анфас, поднимающей саблю в правой руке и топор в левой. Такие фигуры появились на монетах Москвы и ее уделов в конце XIV в., но представленные в профиль; здесь же мы имеем фронтальное расположение, характерное для западноевропейского монетного дела в XIV в. Поэтому В.В. Зайцев и О.П. Мамонтова[5] предположили, что образец для этой фигуры был взят именно из этой области.

Однако, он был значительно переработан, поэтому трудно назвать непосредственный источник изображения. Им могли быть венгерские флорины Людовика I (1342–1382) и Марии (1385–1395), представляющие святого короля Владислава, который держит в вытянутых руках топор и державу. Вслед за Петром Дмитровским этот тип использовали и другие русские князья. Топор, рассматриваемый как оружие, – это плебейский атрибут, вдобавок не применявшийся одновременно с саблей, – так что здесь, скорее, речь не идет о военном аспекте княжеской власти. Иногда – хотя как раз не в случае фронтального изображения на дмитровских монетах – эту фигуру сопровождает еще одна, меньшего размера, обычно редуцированная до одной только головы. Традиционное объяснение, к которому склоняется также и А.В. Чернецов, гласит, что это – предостережение монетным преступникам, прежде всего фальшивомонетчикам[6].

---

[3] ***Chernetsov A.V.*** Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries. An iconographic study. Oxford, 1983.

[4] Сын и наследник Болеслава I Храброго, князя и короля Польши (992–1025), взошедший на престол как Мешко II (1025–1034); он чеканил собственную монету в центральных землях Польского государства еще при жизни своего отца. – См. Suchodolski S. Spór o początki mennictwa w Czechach i w Polsce. // Wiadomości Numizmatyczne. Warszawa, 1998. Rok XLII, zeszyt 1-2 (163-164). S.5-20.

[5] ***Зайцев В.В., Мамонтова О.П.*** Указ.соч. С.20.

[6] ***Chernetsov A.V.*** Op.cit. P.64-65. Г.А. Федоров-Давыдов считал, что человек с саблей и топором в руках – это св. Иоанн Креститель, обозначающий имя Ивана как символ единства потомков Ивана Калиты (Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Нижегородского княжества. М., 1989. С.120-126). Это толкование опроверг И.Б. Гербич (***Гербич И.Б.*** Спорные вопросы русской нумизматики // Нумизматический сборник МНО. М., 1992. Вып.2. С.39).

Однако, ни сабля, ни топор нигде не применялись для наказания монетных преступлений. Таким образом, правильнее было бы видеть здесь акцентирование карающей силы князя вообще как хранителя Божьего, общественного покоя, нежели прототип современных правовых клаузул на банкнотах.

На реверсе дмитровских монет, вместо помещавшихся ранее арабских или псевдоарабских надписей, представлена – совершенно исключительная в мире русских монет – полуфигура кудрявого мужчины с мечом на плече, помещенная под балдахин на колонках. Под фигурой виден гербовый щиток со стоящим на задних лапах львом, а с правой стороны – нечто, напоминающее шлем. В.В. Зайцев правильно догадался, что здесь образцом были монеты Прирейнской Германии конца XIV в. Конкретно он назвал кельнские монеты, на которых святой Петр стоит под церковным сводом (например, гульден архиепископа Фридриха II фон Саарверден, 1370–1414). Это легко было бы объяснить как обращение к патрону князя – святому Петру. Однако, хотя иконографическое поле было указано верно, конкретный образец здесь иной – гульден Вильгельма I фон Юлих, герцога Гельдрнского (1371/7–1402)[7] (рис. 2). Его легко узнать по гербу – стоящему на задних лапах льву, – который был перенесен на русскую монету в зеркальном отражении, вероятнее всего, вызванном копированием. Боковая башенка, не распознанная резчиком штемпеля, по-видимому, превратилась в шлем, вторая исчезла.

В мотивации этого подражания, таким образом, исчезает смысл святого покровителя. Это не является и подражанием с экономическим значением, поскольку золотой гельдрнский гульден не являлся соотношением стоимости для серебряной московской денги. Скорее можно думать, что это была какая-нибудь случайная попытка использовать западную символику власти, предпринятая мелким русским князем.

3. Часть денег, отчеканенных Петром Дмитриевичем в первом десятилетии XV в., представляет на аверсе голову в профиль, на реверсе же – кентавра (рис. 3). Последний поднимает в правой руке меч, что иногда встречается в изображении кентавров, поскольку это были воинственные существа. В другой же руке он держит кубок, что не находит никаких иконографических аналогий и, по мнению А.В. Чернецова, вероятно, происходит из какой-то легенды[8]. Одновременно тот же автор в другом месте своего эрудированного труда заметил, что сочетание меча и кубка (наблюдаемое у некоторых человеческих фигур, изображенных на монетах) встречается в татарской вассальной присяге (так называемая «шертная присяга»), приносимой на оружии, в дополнение к которой выпивался особый напиток. То есть можно связывать с понятием верности правителю[9].

---

[7] ***Baerten J.*** Muntslag en muntcirculatie in de Nederlanden. Noord en Zuid op de weegchaal: 7de-16de eeuw. Brussel, 1983. Fig.59.

[8] ***Chernetsov A.V.*** Op.cit. P.145.

[9] Ibid. P.92-93.

На аверсе видна окруженная надписью ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ПЕТРО[ВА] голова в профиль, в треугольном головном уборе. Российские нумизматы предполагают, что на голове правителя находится корона[10], несмотря на то, что корона такого типа вообще не известна в византийско-русских культурных кругах, а в иконографии использовалась иностранными правителями, особенно ордынскими царями. Однако, А.В. Чернецов обращает внимание на то, что изображения правителей в коронах на русских монетах не являются исключением[11]. На деле же решение, по-видимому, кроется в мазовецких и литовских печатях, на которых князь представлен в похожем на колпак шлеме с поднятыми краями (рис. 4 и 4а, 5 и 5а)[12]. Именно такой шлем виден на голове, представленной на монете Петра Дмитриевича. На некоторых штемпелях просматривается даже характерный вертикальный гребень. Мы вновь наблюдаем здесь обращение к символике других правителей, которое, по-видимому, должно было поднять престиж Петра.

4. Это подтверждает случай с несколько более поздней, очень редкой монетой Петра Дмитриевича, отчеканенной около 1415 г. (рис. 6). Ее мотив в свою очередь был заимствован братом князя Петра – Юрием Дмитриевичем Звенигородским (1374–1434). В.В. Зайцев нашел здесь подражание печати великого князя литовского Витовта (1394/5–1430)[13]. На деле же более близкая аналогия связывает эту монету с печатью не Витовта, а его отца Кейстута (1344–1382, самостоятельно с 1381). Так что скорее именно она стала объектом подражания. Стоящая фигура князя со щитом типа павез в руке имеет как раз такой шлем. Nota bene: павез, который крестоносцы в XIII в. принесли из эпонимичной Павии в Пруссию, характерен именно для Мазовии и Литвы. Хотя в XV в. он использовался пешими воинами, однако, присутствует в XIV в. на печатях князей мазовецких и литовских, тех самых, на которых мы видим шлемы в форме колпака с гребнем и поднятыми краями. Предполагается, что печати литовских князей были хорошо известны при московском дворе: великий князь Василий I с 1391 г. был зятем Витовта и перед смертью в 1425 г. даже назначил его регентом Московского государства. Фигура стоящего рыцаря в шлеме-колпаке, держащего павез, была настолько тесно связана с Кейстутом и Витовтом, что стала гербом их Тракайского княжества[14]. Вероятно, здесь действовал механизм, подобный тому, который изображение конного правителя с печати Ягайло сохранил в качестве герба Литвы. В гербе стоящий рыцарь

---

[10] ***Зайцев В.В.*** Материалы по русской нумизматике XV в. Киев, 2004. С.85.

[11] ***Chernetsov A.V.*** Op.cit. P.74-75.

[12] ***Kuczyński S.K.*** Pieczęcie książąt mazowieckich. Wrocław, 1978. Fig.17 – Земовит II, князь Мазовецкий (1311–1343) (См.рис.4 и 4а); fig.22 – Вацлав, князь Плоцкий (1313–1336) (См. рис.5 и 5а).

[13] ***Зайцев В.В., Мамонтова О.П.*** Указ.соч. С.20.

[14] ***Piech Z.*** Monety, pieczęcie i herby w systemie symboli władzy Jagiellonów. Warszawa, 2003. S.93-94, 100.

вместо того, чтобы поднимать меч, иногда держит вертикально копье. Можно предположить, что при дворе Петра Дмитриевича смысл изображения стоящего рыцаря с павезем и поднятым мечом был понятен, и, следовательно, князь Петр сознательно на своей монете придал себе вид литовского князя.

5. Невыясненной загадкой в монетной чеканке великого князя Московского остается происхождение мотива, который после реформы Елены Глинской в XVI в. стал опознавательным знаком московской монеты: всадника, поражающего копьем дракона. До некоторых пор считалось, что этот мотив ввел Юрий Дмитриевич как великий князь (1433-1434) в качестве изображения своего святого патрона. Однако оказалось, что монеты с именем великого князя Василия и этим изображением более ранние (рис. 7). Теперь оно датируется 1416–1423 гг., то есть правлением Василия I Дмитриевича (1389–1425)[15]. Эта датировка опирается на то, что они зафиксированы в Вольнинском кладе (1999 г.), сокрытом во время первого правления Василия II Васильевича (1425–1433) и еще не содержащем московских монет Юрия Дмитриевича. Появление денег со всадником, поражающим дракона, перед 1433 г., то есть до правления великого князя Юрия, таким образом не вызывает сомнения, хотя можно колебаться, действительно ли так рано, что предшествует и Василию II, – об этом речь пойдет ниже.

Мотив всадника-драконоборца использовался не только в Москве, но и в удельных княжествах московского дома (Можайск, Галич, Серпухов, Верея), а также в Нижнем Новгороде. В последнем случае речь идет о монетах князя Ивана Борисовича (рис. 8), время правления которого не ясно, но известно, что Нижним Новгородом он владел с 1412 по 1414 г. и умер в 1418 г.[16]. Таким образом, нижегородские монеты со всадником, поражающим дракона, старше московских и могли служить для них образцом. Остальные монеты названных московских уделов более поздние и относятся ко второй четверти столетия.

Кем же является всадник, пронзающий копьем дракона? Н.И. Булычев часть этих изображений считал изображениями правителей – особенно те, где, как на некоторых московских монетах Василия II, около всадника имеются буквы К–N, несомненно, означающие «князь». Другие же – и на типе, ныне приписываемом Василию I[17], и на нижегородской денге – он счел святым Георгием, рассмотрев на них ореол вокруг головы всадника[18].

Однако, заявленного Н.И. Булычевым ореола не видно. Несмотря на это, всадник, пронзающий копьем врага, помещенного под копытами коня,

---

[15] ***Зайцев В.В.*** Указ.соч. С.27-28.

[16] ***Орешников А.В.*** Русские монеты до 1547 г. М., 1896. № 880.

[17] Там же. № 574.

[18] ***Булычев Н.И.*** Исследование некоторых изображений на древних русских деньгах. СПб., 1904. С.20-26.

представляет разные мотивы. Иногда вместо дракона под конем находится только его голова, иногда голова человека. Или эти атрибуты принципиально различают смысл изображения, или напротив, идея этих изображений общая, а отличают их детали. Во втором случае речь не шла бы о святом Георгии, но о достоинстве князя как победителя злых сил и врагов (что в идеологии власти является одним и тем же: враг есть зло). А.В. Чернецов высказался именно за такое объяснение, приписывая этой сцене смысл «чисто символический и аллегорический» и видя во всаднике знак одновременно политического и сакрального характера, потому что у пользователей этих монет всадник неизбежно ассоциировался с иконами святых воинов. Сакрализация политической сферы на Руси в XV в. явно усиливалась, выражая растущее чувство тождественности между Русью и истинным христианством. Церковные правители Руси – метрополиты московские – таким образом поддерживали экспансию великих князей московских, чем последние, конечно, охотно пользовались, приняв из титулатуры митрополитов узурпаторский титул «всея Руси». Выражением этого отождествления государства с Церковью стало отлучение от церкви, наложенное на иерархов православной Литвы, независимой от московской метрополии (1416 г.), осуждение заключенной константинопольским патриархом Ферраро-Флорентийской унии (1439 г.) и, наконец, провозглашение автокефалии русской Церкви. Даже московская агрессия против Новгорода Великого была названа защитой православия от мнимого стремления к вероотступничеству[19]. Следовательно, враг князя Московского не только плохой, но вдобавок верует в Бога ненадлежащим образом. В такой ситуации граница между правителем и святым воином становилась очень нечеткой.

6. Для датировки монет с именем Василия и со всадником-драконоборцем существенным является сходство их реверсов с еще одним типом монет с именем великого князя Василия (рис. 9), хотя оба типа не имеют связи на уровне маточников ни между собой, ни с другими монетами. Этот второй тип представляет на аверсе две фигуры – левую стоящую, с длинным предметом на плече, а правую согнутую, видимо, стоящую на коленях перед левой. Вокруг фигур расположены группы шариков, которые, вероятно, играют роль монетных знаков и не относятся к смыслу изображения. Этот тип, в принципе, тот же самый, что является постоянным мотивом денег Новгорода Великого, чеканившихся с 1420 г. (дата известна из летописей). На них богато одетая фигура в короне, со скипетром на плече стоит или сидит на троне, принимая присягу от другой согнутой фигуры без следов убора (рис. 10).

Некоторые российские нумизматы считают, что новгородские монеты были отчеканены под московским влиянием, поскольку им соответствуют по изображению аверса и по весу. Следовательно, московские денги –

---

[19] ***Chernetsov A.V.*** Op.cit. P.103-105.

результат какой-то кратковременной эмиссии – должны были быть отчеканены в 1420 г. или несколько ранее[20]. О сцене присяги перед сидящей на троне фигурой можно догадаться на более ранних монетах князя галицкого Юрия Дмитриевича[21], но там она имела совершенно другую иконографическую фигуру, так что ее нельзя признать формальным образцом.

И здесь мы вступаем в длительную дискуссию, разделяющую российских исследователей: кем являются обе фигуры, представленные на новгородских монетах (и, следовательно, быть может, и на московских). Опустив предысторию этих споров, сообщим только две, ныне существующие позиции. Первую сформулировал А.В.Арциховский. Исследуемый сюжет, хотя и загадочный, наверняка имел в Новгороде, – как заметил А.В. Арциховский, – какое-то важное значение, если его без изменений сохраняли в течение всего периода суверенной новгородской монетной чеканки, до 1478 г., и даже еще некоторое время после подчинения Москве. Королевский внешний вид левой фигуры не должен обмануть исследователя, поскольку русские правители не использовали корон такой формы. Зато это часто встречающаяся в иконографии черта св. Софии Премудрости Божьей, покровительницы Великого Новгорода и его кафедрального собора. «На главе же венец ей царский, смиренная бо мудрость царствует страстями... В руке держаще скипетр, властельский сан», – цитирует А.В. Арциховский «Слово о Премудрости» середины XV в. Этот исследователь также обращает внимание на то, что идея, содержащаяся в типе новгородских монет, и ее иконографическое выражение аналогичны венецианским монетам, на которых св. Марк принимает присягу дожа. Он приписывает это не подражанию, но сходству политической идеологии двух могущественных городских республик. Правую фигуру, склоненную и лишенную атрибутов, А.В. Арциховский счел монетчиком, вручающим Софии дар – монеты, приобретшие форму шариков[22]. Идентификацию Софии подтвердил П.Г. Гайдуков, также распознав коронованную голову св.Софии на медных пулах, чеканенных в Новгороде после подчинения Москве[23].

Между тем, иной взгляд сформулировали М.А. Львов и А.В. Чернецов. Фигура на новгородских монетах, – как заметил М.А. Львов, – лишена непременного атрибута Премудрости Божьей – крыльев, – что было бы трудно принять, если бы речь шла об одной из самых важных эмблем республики. В то же время после подчинения Новгорода Москве эта сцена на монетах оказалась приемлемой для новых правителей, поскольку ее сохранили на денгах, чеканившихся в течение некоторого времени после

---

[20] ***Зайцев В.В.*** Денежная реформа 20-х гг. XV в.: датировка и содержание // Нумизматический сборник МНО. М., 2004. Вып.11. С.149.

[21] ***Орешников А.В.*** Указ. соч. № 702-704.

[22] ***Арциховский А.В.*** Изображение на новгородских монетах // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1948. Т.5. Вып.1. С.99-106.

[23] ***Гайдуков П.Г.*** Медные русские монеты конца XIV-XVI веков. М., 1993. С. 64; № 438-439, стр. 209.

1478 г. Разрушая возможность отождествления коронованной головы с Софией, М.А. Львов декларировал в отношении смысла всей сцены принцип «ignoramus et ignorabimus»[24], утверждая – что в русской нумизматике совершенно исключительно в свете выше упомянутого мнения о значении «каждой черточки», – что на русских монетах также помещались фигуры без какого-либо существенного значения[25]. Зато А.В. Чернецов обратил внимание, что коронованная голова была также постоянным мотивом штемпеля в другой городской республике – Пскове, и кроме того, коронованные на западный манер фигуры не редки и на других русских монетах. «Может, вся сцена должна напоминать о привилегиях, данных Новгороду Ярославом Мудрым, являющихся основой городской независимости. Во всяком случае, если коронованная фигура является князем, то фигура, стоящая перед ней, должна представлять собой Новгород, а не монетчика»[26].

Считаю, что истина лежит где-то между двумя мнениями, «софийским» и «антисофийским». Сопоставление коронованных фигур с монет обеих городских республик, которое сделал А.В. Чернецов, скорее всего ошибочно, поскольку инсигнией на голове псковской фигуры, несомненно, является не лучевая корона (radiata), которую мы видим в Новгороде. Я бы высказался здесь за традиционную интерпретацию этой фигуры как святого покровителя Пскова князя Довмонта-Тимофея. Отождествление коронованной фигуры из Новгорода с Софией подтверждается ее более поздним появлением на новгородской монете. Если бы изображение на новгородских денгах, действительно, представляло стародавние основы политической самостоятельности Новгорода, как предлагает А.В. Чернецов, то, скорее всего, оно бы не было принято наместниками Ивана III после ликвидации его автономии. Таким образом, несмотря на отсутствие крыльев у коронованной фигуры, можно полагать, что ближе всего к истине был А.В. Арциховский. Однако, этот исследователь ошибся, считая вторую фигуру монетчиком. Эту идентификацию следует, скорее, отклонить, памятуя, что в официальной идеологии Новгород был персоной, определявшейся как Господин Великий Новгород. Именно эту персону распознал здесь А.В. Чернецов, и именно эта персона приносила Софии Премудрости Божьей свою присягу (о еще одной возможности идентификации этой сцены см. ниже, пункт 8).

Помещенная на новгородских и московских денгах сцена, таким образом, имеет полную возможность объяснения в рамках новгородской, а не московской символики. Следовательно, очевидно, на московской монете она является подражанием, хотя не исключено, что здесь она получила иное, новое идеологическое содержание. Российские исследователи не

---

[24] Не знаем и знать не будем (латин.).

[25] ***Львов М.А.*** Еще раз к вопросу об изображении на новгородских монетах. // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С.12-36.

[26] ***Chernetsov A.V.*** Op.cit. P.78-79.

усматривают этого по той причине, о которой говорилось во вступлении, – полного игнорирования роли монетного типа как знака стоимости монеты. Между тем, новгородский тип использовался в Москве как раз для того, чтобы – по причине колеблющейся стоимости московской денги – обозначить сходство стопы своей эмиссии с твердой новгородской денгой. Московская денга чеканилась, следовательно, не сразу после 1420 г., но спустя несколько лет, необходимых для того, чтобы новгородская денга приобрела ранг повсюду известного и уважаемого стандарта. Таким образом можно смело предположить, что эта эмиссия имела место уже в правление Василия II, после 1425 г. Следовательно, и святой воин-драконоборец появился примерно в это же время.

7. Итак, возвращаемся к драконоборцу. Как мы уже знаем, он встречается на монетах без легенды, с буквами K–N, или окруженный именем и титулатурой правителя, например, на денгах великих князей московских Василия II и Дмитрия Шемяки (†1453), чеканенных в 1445/46 гг. Но есть и другой, более ранний пример случай: на московской денге 20-х гг. вокруг всадника написано: ОСТАВИТЕ БЕЗУМЬЕ И ЖИВИ [Б]УД[ЕТЕ] (рис. 11). Эту надпись как цитату из Библии («Отриньте безумие и живите, [ходите путем рассудка]!» Книга Притч. 9,6) идентифицировали В.В.Зайцев и О.П. Мамонтова, рассматривая две возможности ее объяснения: предостережение фальшивомонетчикам и второе, предпочитаемое этими авторами, – призыв к миру между претендентами, соперничавшими из-за великокняжеского престола после смерти Василия I в 1425 г., призыв, сделанный, может быть, по инициативе метрополита Фотия[27]. Не известно случаев подобной инструментальной трактовки цитаты из Библии на монетах латинского круга[28] – но, может быть, на Руси, на фоне крайней политизации sacrum[29], действительно было иначе? Однако, если мы посмотрим на аверс этой денги как на целое и признаем драконоборца идеологической фигурой князя, сражающегося со злом (и, следовательно, с «безумием», понимаемым всё же как безбожие: «Сказал безумец в сердце своем: «Нет Бога» – Псалмы 52:2), то не найдем здесь ничего иного, кроме призыва к православию и верности Церкви. Таким образом, мы получаем прекрасную согласованность и комплиментарность фигуры и надписи на монете и одновременно подтверждение, что всадник-драконоборец является благочестивым правителем.

---

[27] ***Зайцев В.В., Мамонтова О.П.*** Библейское изречение на монете XV в.: угроза фальшивомонетчикам или политический лозунг? // Нумизматический сборник МНО. М., 2002. Вып.9. С.39-40.

[28] В польской нумизматике подобным образом объясняется использование цитаты из Псалма 2:4: «Qui habitat in coelis irridebit eos» («[Тот,] кто живет на небесах, смеется над ними») – на литовском трояке Сигизмунда Августа (1529–1572); однако, такой подход в последние годы справедливо подвергает сомнению З.Пех (Piech Z. Op.cit. S.178-179).

[29] Священное (латин.).

8. К сожалению, мы не можем похвастаться аналогичным успехом в отношении предполагаемой св. Софии с новгородских монет. Однако, если бы «антисофийцы» были правы, а интерпретация А.В. Арциховского ошибочна, то можно указать на фигуру, – может быть, ту же самую, – помещенную в другом положении на реверсе московской монеты, отчеканенной примерно синхронно со взятием Новгорода в 1478 г., так называемую денгу «дозор» (рис. 12). Аверс представляет воспринятое с предыдущих эмиссий изображение князя с саблей на коне, реверс же – человеческую полуфигуру без бороды, анфас, в трехзубчатом головном уборе, поднимающую в правой руке предмет, напоминающий меч, а в левой – нечто, похожее на звезду. На монете нет имени правителя. Круговая легенда звучит следующим образом: ДОКОВОВОНОВОВОdОZОРМ' – и единственное понятное слово, которое можно в ней различить, «дозор», дало название этому типу. А.И. Чупашкина пробовала здесь прочитать «МАСКОВ[СК]ОВО НОВОВО ДОЗОР[А]»; поскольку о московском дозоре ничего не известно, то весьма вероятно, что это – псевдолегенда (одновременно были отчеканены также анонимная полушка и медное пуло с подобными псевдолегендами, но без букв «dозор»). Российские нумизматы приписывают фигуре на монете западные и военные черты[30]. Трудно сказать, в чем здесь проявляется западность, зато военный характер совершенно исключен, поскольку фигура одета в платье с широкими, церемониальными рукавами. По мнению А.В. Чернецова, это – изображение правителя[31], хотя он уже был представлен на другой стороне той же монеты. Церемониальное платье, трехзубчатая корона и поднятый в правой руке предмет, напоминающий меч, сближают это изображение с рассматривавшейся выше фигурой с новгородских монет, но если бы действительно речь шла о той же самой фигуре, то это, скорее всего, не была бы София. Может быть, эту фигуру позаимствовали с новгородских монет московские после подчинения Новгорода, включив ее в государственную символику Московской Руси. Ее идентификация всё же остается будущим исследователям.

9. Как видно по приведенным, отрывочным примерам, позднесредневековые русские монеты требуют исследований на более широкой основе, чем та, на которой они до сих пор проводились. Русские монеты имеют свой особый стиль и обращаются к специфическому кругу изображений, но исполняли в позднесредневековых структурах ту же роль, что и на Западе, передавая содержание того же диапазона, хотя с иначе распределенными пропорциями между sacrum и profanum[32]. Необходимо освобождение русской нумизматики от диктата плоской всеполитичности. Исследователь этих монет должен принимать во внимание не только русскую монумен-

---

[30] **Зайцев В.В.** Московские монеты времени Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533) // Нумизматический сборник МНО. М., 2004. Вып.11. С 69-70.

[31] ***Chernetsov A.V.*** Op.cit. P. 59.

[32] Священное и светское (латин.).

тальную пластику и книжные иллюстрации, но также и широкий круг литературных ассоциаций и – что, по-видимому, самое трудное – центрально- и западноевропейские аналогии. Взамен он получит возможность существенных уточнений атрибуции и более глубокого проникновения в слабо освещенный источниками мир идеологии власти удельных правителей Руси.

Подписи к иллюстрациям

1. Петр Дмитриевич, князь Дмитровский (1389–1428). Денга. М.д. Москва (по Зайцеву 2004, с.114, № 17). Масштаб 2:1.

2. Вильгельм I, герцог Гельдернский (1371/7–1402). Гульден, л.с. (по Баартену 1983, рис. 59). Масштаб 1:1.

3. Петр Дмитриевич, князь Дмитровский (1389–1428). Денга 1400/10 г. М.д. Москва. Меч в руке виден не полностью (по Зайцеву 2004, с.115, № 24). Масштаб 2:1.

4. Печать Земовита II, князя Мазовецкого (1311–1345). Гравюра Каэтана Винцентия Киселиньского. Библиотека Польской Академии Наук, Курник. Фонд Киселиньского, АО II, № 142.*

4а. Голова князя Земовита в шлеме. Фрагмент печати с гравюры 4.*

5. Печать Вацлава, князя Плоцкого (1313–1336). Гравюра Каэтана Винцентия Киселиньского. Библиотека Польской Академии Наук, Курник. Фонд Киселиньского, АО II, № 148.*

5а. Голова князя Вацлава в шлеме. Фрагмент печати с гравюры 5 из Sttatliches Archivlager Göttingen: Staatsarchiv Königsberg, Schiebl. 109, nr 34. Фоторгафия Анджея Липки.

6. Петр Дмитриевич, князь Дмитровский (1389–1428). Денга ок.1415 г. М.д. Москва (по Зайцеву 2004, с.116, № 41). Масштаб 2:1.

7. Василий II Васильевич, великий князь Московский (1425–1462). Денга 1425/33 гг. М.д. Москва (по Зайцеву 2004 «Материалы...», с. 27, рис. 8:3). Масштаб 2:1.

8. Иван Борисович, князь Нижегородский (...1412–1414... †1418). Денга 1412/14 г.? М.д. Нижний Новгород? Аверс (по Булычеву 1904, с.25). Масштаб 2:1.

9. Василий II Васильевич, великий князь Московский (1425–1462). Денга новгородского типа 1425/33 гг. М.д. Москва (по Зайцеву 2004 «Материалы...», с. 27, рис. 8:2). Масштаб 2:1.

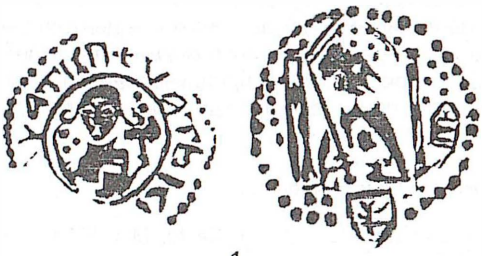
10. Новгород Великий. Денги 1420/77 гг. (по Львову 1977, с.13). Масштаб 1:1.

11. Василий I Дмитриевич, великий князь Московский (1389–1425) или Василий II Васильевич, великий князь Московский (1425–1462). Денга после 1420 г. М.д. Москва (по Зайцеву 2004 «Материалы...», с. 29, рис. 10:2). Масштаб 2:1.

12. Иван III Васильевич, великий князь Московский (1462–1505). Денга типа «дозор» ранее 1484 г. М.д. Москва (по Зайцеву 2004 «Материалы...», с. 71, рис. 2:1). Масштаб 2:1.

***Об авторе*. Борыс Пашкевич, доктор исторических наук, профессор Института археологии Вроцлавского университета, автор многих научных трудов по нумизматике.**

Автор благодарит профессора Стефана Кшиштофа Кучиньского за предоставление фотографий печатей.



1.

2

3

4a

5a

4

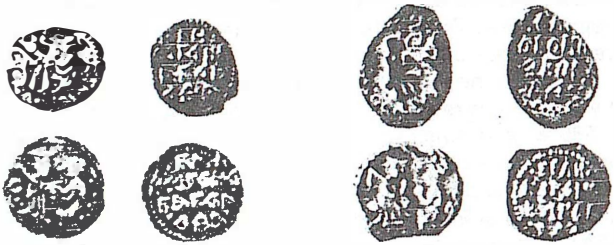
5

6

7

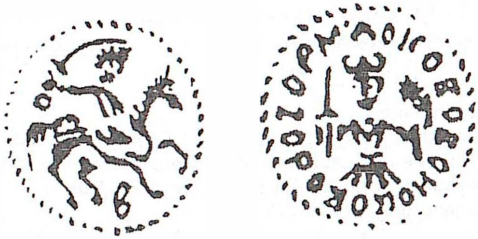
8

9



10

11



12